

Н. К. БУЗЫНИНА, К. Б. ВИНОГРАДОВ

ЛОРД КЕРЗОН *

МИНИСТР

Повстречав Керзона в конце 1905 г., лорд Эшер записал: «Джордж несколько не переменился, он самоуверен... все тот же самодержец, каким был с детства»¹. Вернувшись в Англию, Керзон жаждал отомстить врагам и поскорее восстановить несколько подмоченную репутацию. Но обстановка не благоприятствовала, тем более что у власти закрепились либералы. Приходилось довольствоваться малым: критикой политики кабинета в палате лордов, выступлениями в печати, на банкетах и приемах. Главной темой речей поверженного вице-короля была Индия.

От лица «Национальной лиги оппозиции женскому движению» Керзон вел переговоры с Асквитом². Как «канцлер» университета, он на виду во время торжественных церемоний в Оксфорде. Кроме того, Керзон почетный ректор университета в Глазго, президент Географического общества... Только бы имя Керзона не сходило с газетных полос!

Смерть Мэри (1906 г.) поколебала финансовое положение Керзона. Все сильнее тяготила болезнь позвоночника, а к ней добавились боли в ноге... Впрочем, Керзон не собирался капитулировать перед невзгодами жизни. Долгое время он был близок к салонной писательнице Элинон Глин. После смерти мужа Элинон прозрачно намекнула, что пора бы узаконить их отношения. Однако внимание барона уже приковал другой «объект» — богатая вдова американского бизнесмена Грэйс Даггэн. За матримониальными маневрами отставного вице-короля пристально наблюдали именитые бездельники. Передавались слухи о том, что после помолвки лорд каждый день отсылал невесте тексты своих речей, что он взял с нее подписку в случае его смерти не выходить больше замуж³. После женитьбы обнаружилось, что Грэйс, быстро раскусившая своего напыщенного мужа, ничуть не напоминает преданную Мэри. Подчас она отказывалась оплачивать его счета. Правда, в одном вопросе между супругами царил гармония: Джордж должен снова играть главные роли в политике, пусть добьется того, чтобы Грэйс стала первой дамой Англии.

...Уже шли годы империалистической войны. В мае 1915 г. либералы согласились на формирование коалиции. В состав правительства вошли лидеры тори Бонар Лоу и Бальфур. Пригласили и Керзона, хотя, как свидетельствовала родственница премьеры Ц. Асквит, «было ужасно трудно решить, куда же определить его». Новый министр признавался, что не может уразуметь своих обязанностей (он стал лордом-хранителем печати). Но Керзон счастлив, «атмосфера кабинета ему бесспорно нравится»⁴. Будучи на вторых и третьих ролях, Керзон сам изобретает себе поручения

* Окончание. Начало см. в № 5, 1973.

¹ «Journals and Letters of Lord Esher», vol. 2. London, 1934, p. 124.

² Обе стороны сошлись на том, что женщинам не следует «предоставлять парламентский голос». — «The Times», 15.XII.1911.

³ C. A s q u i t h. Diaries 1915—1918. London, 1968, p. 468.

⁴ Ibid., p. 23, 24.

«государственной важности», совершает поездки на фронт⁵. Образование нового правительства Ллойд Джорджем не застигло Керзона врасплох. Заверяя Асквита в лояльности, он одновременно интриговал против него⁶. И когда верх взял Ллойд Джордж, наградой Керзону стало место в узком «военном кабинете»⁷.

Современники оставили немало портретных зарисовок Керзона-министра. Внешне это был все тот же надменный, надутый, буквально нестигаемый (в своем стальном корсете) вельможа. Но, как подметил язвительный хроникер, «он обладал талантом пребывать сразу на обеих сторонах любого спора»⁸. В самом деле, длительная «политическая диета» разожгла честолюбие Керзона; теперь ради того, чтобы остаться в правительстве, он готов приспособляться, идти на любые компромиссы. Втайне подбадривая фрондирующих генералов (а вдруг они спихнут новоиспеченного премьера?!), Керзон послушно следовал повелениям и даже капризам Ллойд Джорджа. Например, он внезапно изменил «твердолобым», согласившись на реформу избирательной системы. Несколько раз Керзон менял мнение по поводу предложенного им самим «суда» над Вильгельмом II. После одного из его финтов премьер направил министру грубое письмо. Керзон проглотил обиду и, «нисколько не смутившись, остался в правительстве»⁹.

На заседаниях кабинета Ллойд Джордж, считавший Керзона снобом и педантом, нередко бесцеремонно обрывал его бесконечные разглагольствования, а министр с трудом выносил неуравновешенность и вульгарность главы правительства. Премьер «знал, где кожа у Керзона потоньше и жалил его безжалостно», вспоминал один из дипломатов¹⁰. Иногда Ллойд Джордж унижал Керзона даже на международных конференциях. Все равно тот не подает в отставку! А чтобы умаслить тщеславного министра, «подбросил» ему титул маркиза.

Разнузданная шовинистическая кампания позволила лидерам коалиции победить на выборах 1918 г. Бальфур на время остался главой Форин оффис и вместе с премьером отправился на Парижскую конференцию. Параллельным министром иностранных дел Ллойд Джордж назначил Керзона. 6 января 1919 г. Керзон вступил в свою резиденцию и придирчиво осмотрел кабинет.

— Мистер Кларк, что это такое? — брезгливо спросил он, обращаясь к встретившему его клерку.

— Это Ваша чернильница, сэр.

— Моя чернильница? И этот предмет Вы называете чернильницей?

Министру следует иметь чернильницу не из стекла и латуни, а из хрусталя и серебра.

Чернильный прибор был заменен. Керзон, судя по этому, намерен был прочно обосноваться в новом кабинете.

В октябре 1919 г. Бальфур наконец очистил поле боя. Увы! На пути к бесконтрольному руководству внешней политикой сохранилось серьезнейшее препятствие — премьер-министр. «Личный курс» Ллойд Джорджа вызывал в 1920—1922 гг. бесконечные сегоования Керзона. Так, послу США он говорил, что радуется лишь тогда, когда Ллойд Джордж болен и не в состоянии диктовать ему¹¹.

Глава кабинета в самом деле нередко действовал в обход «официальной» дипломатии. Как мы увидим, он изъяснял некоторые проблемы из сферы компетенции Форин оффис. Тем не менее трудно согласиться с бытующей версией о принципиальных расхожде-

⁵ Во время одной из них родился ходкий анекдот — барон видит купающихся солдат и восклицает: «Мой бог! Никогда бы не подумал, что у людей низших классов белые тела!»

⁶ Beaverbrook. *Men and Power 1917—1918*. London, 1956, Appendix IV, № 19; K. Morgan. *The Age of Lloyd Georg*. London, 1917, Doc. № 41.

⁷ Ложкой дёгтя в бочке меда явилось назначение ненавистного Бальфура в Форин оффис. Секретарь премьер-министра Эмери советовал ему самому взять этот портфель — тогда каждый из соперников «утешал бы себя мыслью, что, по крайней мере, другой не является министром иностранных дел». — *«The Historical Journal»*, March 1972, p. 154.

⁸ Beaverbrook. *Op. cit.*, p. 309.

⁹ Beaverbrook. *Op. cit.*, Appendix IV, № 17, p. 306—309.

¹⁰ P. Wheeler, H. E. Rives. *Dome of Many-Coloured Glass*. Garden City, 1955, p. 658.

¹¹ *Ibid.*, p. 666.

ниях между «знатоком» (Керзон) и «дилетантом» (Ллойд Джордж), отразившихся на судьбах послевоенного мира. При всем различии темперамента, приемов и методов премьер и министр служили одному богу! Оба — в меру своего понимания и способностей — защищали интересы британского империализма. Керзон нес значительную долю ответственности за проводившийся Англией антисоветский курс; он энергично противодействовал французским попыткам занять господствующее место в Европе, ведал отношениями с Японией и США. Но прежде всего Керзону были предоставлены широчайшие полномочия в обеспечении «имперских» интересов Британии. Казалось бы, у него возникла уникальная возможность твердой рукой координировать колониальную и внешнюю политику. Разве не об этом мечтал он еще при Солсбери?

После победы над Германией и Турцией перспективы стабилизации Британской империи и «округления» владений представлялись Керзону весьма радужными. «Британский флаг никогда еще не реял над более могущественной или более единой империей, чем теперь... Никогда еще наш голос не звучал сильнее... при решении будущих судеб человечества», — провозглашал он. Напомнив слова Байрона о грядущем «золотом веке», Керзон воскликнул: «Теперь это время наступает!»¹².

* * *

Во время первой мировой войны Англия овладела рядом немецких колоний, возобновила продвижение на Среднем Востоке, попыталась захватить Проливы. Рекомендации Керзона отражали попытку сочетать интересы наиболее влиятельных колониалистских фракций, а также милитаристских кругов. Можно и нужно создать сплошной пояс земель под британским контролем, соединить три «К» (Кейптаун—Каир—Калькутту), протянуть нить и к четвертому «К» — Канберре¹³. Ключ к осуществлению столь грандиозного замысла, по мнению этих кругов, находился на Среднем Востоке. В 1917—1918 гг. Керзон без устали твердил, что надо овладеть Месопотамией, Палестиной и другими территориями этой зоны мира с их «великолепными естественными ресурсами». Новая британская средневосточная империя — вот о чем помышляет он! Повстанческое движение арабов немало содействовало тогда успехам англичан в войне с Турцией. Но с точки зрения Керзона арабы «почти потеряли идею о свободе» и нуждались в опеке со стороны «цивилизованной державы», т. е. Великобритании¹⁴. Керзон горячо ратовал за «изгнание» турок из Европы. Англичане, писал французский посол в Лондоне Камбон, намерены «одни оккупировать Константинополь и... господствовать над Проливами»¹⁵. Еще больше привлекал Керзона план полного порабощения Ирана. Возник и новый мотив — утверждение британского владычества на Каспии и в Закавказье.

Среди капиталистов, влиявших на лондонское правительство, все возрастающую роль играли нефтяные дельцы, захватившие важные посты в государственном аппарате. «Что же можно ожидать, когда частные и общественные интересы неразрывно переплелись в правительственном органе контроля?» — писал главе Восточного отдела Форин оффис Кидстон. Он имел в виду Нефтяной комитет, «состоящий главным образом из персон, имеющих прямые личные интересы в нефтяных предприятиях»¹⁶. Нефтяные магнаты имели «своих людей» и в министерстве иностранных дел, и в индийской гражданской службе, и среди колониальных администраторов.

«Союзники пришли к победе в волнах нефти», — говорил Керзон в конце 1918 г.¹⁷ Подобно Ллойд Джорджу или Бальфуру, он неизменно учитывал этот фактор. Весьма примечательно в данном отношении обсуждение вопроса о целях политики в Закавказье на заседаниях Восточного комитета. Керзон, председатель комитета, выдвинул

¹² Earl of Ronaldshay. The Life of Lord Curzon, vol. III. London, 1928, p. 199.

¹³ L. A m e r y. My political Life, vol. II. London, 1953, p. 102—104, 106—161; V. H. R o t h w e l l. British War Aims and Peace Diplomacy 1914—1918. Oxford, 1971, p. 70—73.

¹⁴ Earl of Ronaldshay. Op. cit., vol. III, p. 161.

¹⁵ P. C a m b o n. Correspondence, t. III. Paris, 1946, p. 380.

¹⁶ «Documents of British Foreign Policy 1919—1939». Series I. (далее — DBFP), vol. IV, № 693.

¹⁷ См. А. А. Ф у р с е н к о. Нефтяные тресты и мировая политика. М.— Л., 1965, стр. 433.

план длительной оккупации ключевых пунктов и коммуникаций Закавказья, особенно подчеркивая значение Баку и его окрестностей «с их обширными ресурсами». Он считал, что здесь нужно установить «надежное» (т. е. английское) управление.

При этом Керзон ссылался на необходимость «защитить Индию». Бальфур и министр по делам Индии Монтегю нашли такой аргумент несуразным. Однако и Бальфур считал, что нельзя упускать добычу — «Батум, Баку, железную дорогу и нефтепровод между ними». Его заместитель Сесил говорил еще определеннее: Англия должна владеть Баку просто из-за огромной ценности его нефтяных запасов¹⁸. Французский сенатор Беранже отмечал, что Англия создает гигантскую нефтяную зону («от Египта до Бирмы, от Кавказа до Персидского залива») в противовес американской нефтяной империи¹⁹.

Дипломатия США всячески мешала этому, добиваясь «равных прав» в разграблении ресурсов Среднего Востока²⁰. Керзон парировал контрдействия американцев²¹.

Обострившийся антагонизм не исчерпывался борьбой за нефть. Запутанный клубок противоречий представляли англо-французские отношения. Едва закончилась война, а британский генеральный штаб уже подготовил (5 декабря) меморандум, в котором характеризовал Францию как «амбициозную милитаристскую державу... нашего исторического противника в мировом масштабе». Керзон разделял это суждение; значительная часть моей жизни, говорил он, прошла в столкновениях с притязаниями Франции. В национальном характере французов лорд видел нечто общее с восточными народами и подчеркивал, что интересы двух держав трудно примирить²². «Почти во всех частях света, — писал министр позднее, — представители Франции активно проводят политику, которая недружелюбна британским интересам»²³. Подводя итоги своей деятельности в многочасовой речи на имперской конференции в октябре 1923 г., Керзон снова обрушился на Францию²⁴.

Керзон поддерживал тех, кто считал целесообразным «ублажать Францию на Западе ради того, чтобы она оставила нас одних на Востоке»²⁵. Поскольку все же нельзя было допускать французскую гегемонию в Европе, приходилось кое-чем делиться с соперником на Среднем Востоке. Там Британия обладала сильными козырями: ее войска оккупировали Сирию, Мосул, Палестину, на которые претендовала и Франция. В конце концов, утвердившись в Иране и Палестине, англичане «уступили» Сирию французским колонизаторам. На конференции в Сан-Ремо Ллойд Джордж и Керзон добились от Франции и Италии признания ведущего положения Англии в контроле за средневосточной нефтью. Получив «отступное», эти державы уже не мешали английским нефтяным магнатам и дипломатам блокировать усилия США. И хотя с Закавказьем пришлось распрощаться, приток нефти (и барышей!) в Англию заметно возрос.

Британские империалисты могли похвастаться и другими успехами. В Палестине они приступили к натравливанию переселенцев-евреев на арабов; предатели из хашимитской династии помогли им в борьбе против собственных народов; в Египте фельдмаршал Алленби железной рукой подавил восстание 1919 г. Керзон возражал против затеянных Монтегю маневров в Индии и добился устранения термина «самоуправление» из первоначального варианта программы «реформ»²⁶. Амритсарская бойня 1919 г. и другие репрессии карателей успокоили его — поблажки на словах, пули и аресты на деле! Как и в старые времена, когда он сам управлял Индией!

Предметом особой гордости Керзона стал договор, навязанный им Ирану. В конце 1918 г. Керзон признал, что уход британцев «доставил бы персам больше

¹⁸ R. U l l m a n. *Anglo-Soviet Relations 1917—1921*, vol. II. Princeton, 1968, p. 67—73.

¹⁹ DBFP, vol. IV, № 703.

²⁰ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1920», vol. II, p. 651—655; DBFP, vol. IV, № 794, 808, 813; vol. XIII, № 57.

²¹ DBFP, vol. IV, № 803, 826; vol. XIII, № 247.

²² R. U l l m a n. *Op. cit.*, vol. II, p. 67—73.

²³ DBFP, vol. XVI, N 768 (Меморандум об англо-французских отношениях 28 декабря 1921 г.).

²⁴ Th. J o n e s. *Whitehall Diary*, vol. I. London, 1969, p. 246—248.

²⁵ *Ibid.*, p. 80.

²⁶ Earl of R o n a l d s h a y. *Op. cit.*, vol. III, p. 164—167.

удовольствия, чем что-либо иное»²⁷. Но старый «укротитель» Индии помышлял о другом — армия, казначейство, вся экономика Ирана должны служить британским интересам! Договор 9 августа 1919 г. фактически лишил Иран государственного суверенитета. «Переведя этот дипломатический документ на язык простых смертных, нетрудно усмотреть, что та видимость независимости, которую Персия сохраняла еще по англо-русскому соглашению в 1907 г., сводится к нулю», — комментировала советская печать²⁸. В пространном меморандуме Керзон утверждал, что договор будто бы надо считать шедевром²⁹. «Мой персидский договор — великий триумф», — писал министр жене, добавляя, что единолично добился его³⁰. Теперь, полагал Керзон, за-кабаление Ирана пойдет полным ходом. Туда отправилась финансовая комиссия, потянулись дельцы, геологи, «консультанты». Военная комиссия генерала Диксона приступила к комплектованию армии наемников. А чтобы внушить должное почтение к «покровителям», в Иран перебрасывались военные подкрепления. Когда французы заикнулись о соучастии в эксплуатации природных ресурсов Ирана, Керзон небрежно обронил: «Об этом не может быть и речи»³¹. Он игнорировал и домогательства американцев. Летом 1920 г. один из клерков Форин оффис подчеркивал: договор 1919 г. «остается краеугольным камнем политики правительства»³².

В начале 1920 г. английский кабинет наперекор Керзону решил сохранить слабое султанское правительство в Константинополе. Уже в марте страны Антанты официально оккупировали старую турецкую столицу. 10 августа 1920 г. был подписан Севрский договор. В 1919—1920 гг. позиции Англии на Востоке и во всем мире выглядели незыблемыми. Напоминая об этом времени, «The Economist» позднее писал: «Весь Средний Восток как будто бы переживал процесс инкорпорации в нашу систему... Наша империя, казалось, распространяется на всю Азию»³³. Но на деле не все было так лучезарно.

* * *

Симптомы поражения английского колониализма обнаружились еще в 1919 г. Афганистан, опираясь на поддержку Советской России, успешно отразил очередную английскую интервенцию и шел по пути к независимости. Кемалистское движение распространялось по Турции. Совсем близко от Лондона опять поднялись на борьбу ирландцы. Да мало ли этих признаков кризиса? Керзон старался не обращать на них внимания, его речи еще дышали самодовольством. Но летом 1920 г. новые потрясения развеяли иллюзии империалистов. Мощное восстание охватило Месопотамию, включая и те ее районы, где уже расположились английские грюнтеры. А ведь именно Керзон громогласно возвещал, что будто бы «население [Месопотамии] свободно и счастливо»³⁴.

В Египте положение настолько обострилось, что коллега Керзона Милнер высказался за немедленные уступки. Возрастала напряженность и на других арабских землях. Грозил превратиться в бесполезный «клячок бумаги» Севрский договор. В отличие от премьера, Керзон не верил, что обстановку в Турции можно изменить с помощью наемной греческой армии.

Неожиданный оборот приняли события в Иране. Напрасно Керзон рассчитывал на Восуг-эс-Доуле и других продажных политиканов. Из-за «волны большевизма» даже они не рискнут ставить договор 1919 г. на ратификацию, подчеркивал посол в Тегеране Кокс. В ноябре 1920 г. Керзон признал, что влияние Англии в Иране падает. Но худшее ожидало его впереди — 26 февраля 1921 г. новое иранское руководство заявило об аннулировании договора с Англией³⁵. Пришлось постепенно свертывать деятельность бизнесменов и выводить оккупационные войска. Похоронные мотивы

²⁷ Ibid., p. 213.

²⁸ «Жизнь национальностей», 5.X.1919.

²⁹ DBFP, vol. IV, № 710.

³⁰ Earl of Ronaldshay. Op. cit., vol. III, p. 217.

³¹ DBFP, vol. IV, № 703.

³² DBFP, vol. XIII, № 490.

³³ «The Economist», 26.V.1923, p. 1180.

³⁴ A. T. Wilson. Mesopotamia 1917—1920. Oxford, 1931, p. 164.

³⁵ DBFP, vol. XIII, № 431, 624, 634, 686.

вы, как пишет Г. Никольсон, звучали в речи Керзона 26 июля 1921 г.: «Я оцениваю ситуацию с чувством разочарования, почти отчаяния»³⁶.

Начавшаяся серия провалов вызвала замешательство в империалистических кругах Англии. Консервативные депутаты и публицисты обвиняли Керзона в некомпетентности. Последний пытался оправдываться перед премьером ссылками на то, что ему мешают Монтегю и военный министр Черчилль. Чтобы как-то спасти положение, Керзон предложил сосредоточить все дела в особом «Средневосточном департаменте», подчиненном министру иностранных дел³⁷. Однако еще в конце 1920 г. Ллойд Джордж решил иначе: почти весь комплекс проблем, связанных с политикой в арабских странах, передал в ведение министерства колоний, возглавленного в 1921 г. тем же Черчиллем³⁸. Керзон воспринял это как публичную пощечину³⁹.

Провалы керзовского курса предопределял могучий подъем антиимпериалистического освободительного движения народов Востока, разразившегося под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции. Принципы равноправия и дружбы народов, воплощенные в государственном устройстве Советской державы и в ее договорах с сопредельными странами, стали важнейшим фактором мировой политики. Медленно доходили эти новые истины до английских джингоистов. Далеко не сразу осознал их и Керзон.

Точка зрения Керзона в «русском вопросе» первоначально несколько отличалась от позиции Черчилля. Министр иностранных дел добивался того, чтобы Россия перестала быть опасным соперником Англии в Азии и сильным партнером Франции. Поэтому надо не только разжигать гражданскую войну и снабжать белых оружием, важно было, с точки зрения Керзона, еще и раздробить Россию, отбросить ее от морских рубежей, создать систему слабых «лимитрофных» государств. С весны 1919 г. он все чаще включается в обсуждение вопросов об условиях поставки вооружения белогвардейцам, руководит сношениями с возникавшими в России антибольшевистскими правительствами. Керзон неизменно рекомендует держать белых мятежников в твердой английской узде. Генералу Деникину, говорил он на заседании военного кабинета в марте 1919 г., следует «сражаться и побеждать большевиков»; вместо этого деникинцы взяли на прицел «более легкую мишень» — закавказские марионеточные режимы. Ни в коем случае нельзя отдавать Кавказ российским белогвардейцам! Ведь это лишит Англию свободы рук в столь важной зоне⁴⁰. И позднее Керзон не раз рекомендовал одергивать Деникина, как только тот начнет разглагольствовать о «единой неделимой России»⁴¹.

Весной 1919 г. главную ставку империалисты делали на Колчака. К нему из Лондона был отправлен наделенный чрезвычайными полномочиями представитель, Ч. Эллиот, для которого Форин оффис изобрел пост «верховного комиссара Сибири». По прибытии на Дальний Восток Эллиот дал понять, что английское правительство «вполне расположено признать адмирала Колчака»⁴². В Лондоне Керзон уже подготовил условия признания, оговаривая, что колчаковцы не должны посягать на «новые государства», создававшиеся на окраинах старой России⁴³.

В июне Форин оффис составил меморандум о целях политики в «русском вопросе». «Как можно скорее свергнуть русское Советское правительство», — так без обиняков формулировалась в нем главная задача⁴⁴. Но можно ли достичь ее без должного согласования усилий держав-победительниц? Не раз министр иностранных дел задавал

³⁶ H. Nicolson. Curzon: The Last Phase 1919—1925. London, 1934, p. 146.

³⁷ A. S. K li e m a n. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore, 1970, p. 88—89.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., p. 90—91.

⁴⁰ L. F i s h e r. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations 1917—1941. New York, 1969, p. 35—36.

⁴¹ DBFP, vol. III, № 460. Enclosure, p. 586.

⁴² АВПР, ф. Миссия в Пекине, д. 155, т. I, л. 399, 404.

⁴³ Керзон был одним из немногих буржуазных деятелей, считавших целесообразным именовать режим Колчака «правительством Сибири».

⁴⁴ DBFP, vol. III, № 256. В том же документе рекомендовалось ограничить сферу влияния Франции в России. Относительно Японии у Керзона была другая точка зрения — пусть она направит максимум сил в Сибирь; это ослабит японский натиск на позиции Англии на Дальнем Востоке. — DBFP, vol. II, N 59; vol. III, N 613.

этот вопрос, не раз оказывал он нажим на «союзников», побуждая их активнее участвовать в интервенции⁴⁵. Увы! Париж, Вашингтон и Токио не желают подчиниться его указующему персту. Надо и нам «следовать собственной русской политике»⁴⁶. Сетования Керзона на расхождения в «русском вопросе» имели немало оснований, так как каждая из держав преследовала собственные корыстные цели. Но, пожалуй, сама Англия задавала тон. Форин оффис, в частности, настойчиво добивался пересмотра секретного соглашения 1917 г., предоставлявшего французским империалистам особые права на грабеж юга России⁴⁷.

До сих пор иные английские авторы утверждают, будто в мае — июне 1919 г. кабинет твердо намеревался ускорить обещанную эвакуацию войск из зоны Архангельска; даже направлявшиеся туда подкрепления служили якобы этой цели. Между тем Керзон в свое время констатировал: «правительство е. в-ва отправило свежие вспомогательные силы в Архангельск, имея в виду облегчить наступление... на Котлас и Вятку, где, как надеялись, будет осуществлено соединение с сибирскими силами»⁴⁸. Правда, 27 июня, председательствуя на заседании кабинета, он не исключал «военную катастрофу», указывал, что и внутри страны нарастают требования покончить с позорной интервенцией. Обеспечив себе своеобразное алиби, Керзон однако санкционировал наступление генерала Айронсайда⁴⁹. Бравому генералу не пришлось вести это наступление. Овладев инициативой, Красная Армия погнала захватчиков с оккупированной земли⁵⁰.

Осенью 1919 г. английское военное ведомство все еще энергично поддерживало белых генералов. Оно выступило за новое демонстративное признание омского правительства; помощник Керзона по «русскому отделу» Грегори тоже считал, что белые побеждают и стоит признать «комбинацию Колчак — Деникин». Однако теперь министр порекомендовал подождать развития событий⁵¹. А через несколько месяцев Керзон уже отдавал распоряжение об «упразднении поста верховного комиссара Сибири» и отметил, что поддержка колчаковцев была «в высшей степени позорным предприятием»⁵². Это признание вполне можно отнести и к итогам всего курса английских империалистов в период иностранной интервенции в Советскую Россию.

В фокусе интересов Керзона по-прежнему оставались Кавказ и зона Каспийского моря. И здесь интервентов ожидали неприятные сюрпризы. В марте 1919 г. министр, отмечая призрачность «независимости» кавказских «государств», опиравшихся на штыки оккупантов, отмечал с горечью: нас там «никто не любит»⁵³. Но Керзон упорствует, протестует против вывода войск, настаивает на желательности «сохранить район Батум — Баку»⁵⁴.

С осени 1919 г. английские колониялисты все настойчивее утверждали, что «установление господства большевиков» между Черным и Каспийским морями и в Средней Азии сулит неисчислимые бедствия Англии и зависящим от нее странам. В сентябре, выступая на приеме иранского принца, Керзон разразился потоком грубой брани по адресу большевиков. В января 1920 г., запугивая собственных коллег, министр говорил: «Если контроль над Каспием будет утрачен, мы вскоре обнаружим, что вся наша Восточная империя зашаталась»⁵⁵.

⁴⁵ DBFP, vol. III, № 299, 466, 467, 469.

⁴⁶ Ibid., № 469, p. 592.

⁴⁷ В июньском меморандуме 1919 г. говорилось о желательности того, чтобы Украина «попала в сферу влияния генерала Деникина, а следовательно, под наш контроль». — Ibid., № 256.

⁴⁸ DBFP, vol. III, № 399.

⁴⁹ J. Silverlight. The Victors' Dilemma. Allied Intervention in the Russian Civil War. London, 1970, p. 251—253.

⁵⁰ 24 июля 1919 г. Керзон признал, что именно разгром Красной Армией интервентов и белогвардейцев побудил Лондон предпринять поспешную эвакуацию. «Изменившаяся ситуация на Северном фронте не оставляет правительству е. в-ва иной альтернативы». — DBFP, vol. III, p. 333.

⁵¹ R. Ullman. Op. cit., vol. II, p. 245—246, 249—250.

⁵² DBFP, vol. III, № 698.

⁵³ R. Ullman. Op. cit., vol. II, p. 227.

⁵⁴ Ch. Callwell. Field-Marshal Sir Henry Wilson, vol. II. London, 1927, p. 211, 221—223.

⁵⁵ R. Ullman. Op. cit., vol. II, p. 331.

В 80-е годы XIX в. Керзон совершил поездку от Батума до Баку. 30 лет спустя он все еще слыл в Англии специалистом «по Кавказу». Знакомясь с документами, мы убеждаемся, что сей «знаток» лишь приблизительно представлял себе географию и особенности этой зоны мира, он часто путал и имена «действующих лиц». Но в первую очередь его просчеты обуславливались другим — Керзон игнорировал силу интернационального братства и взаимопомощи народов, боровшихся за Советскую власть. Время от времени он тешил себя надеждой на создание армии наемников, способных успешно употребить щедро посылаемое им оружие. Летом 1920 г. Керзон серьезно изучал бредовый план «поднять весь Кавказ, против большевиков, израсходовав на это очень умеренную сумму в 40 тыс. ф. ст.»⁵⁶. Лишь через полгода наступило отрезвление. Когда агент в Тифлисе Стоукс, подлаживаясь под настроения шефа, предложил рецепт «изгнания большевиков с Кавказа», министр уныло признал, что столь заманчивый замысел находится за пределами реальной политики⁵⁷.

В 1919—1920 гг. Керзон подвизался еще в одном амплуа — с помощью своих дипломатов он всячески препятствовал налаживанию нормальных отношений Советской России с внешним миром. Например, по поручению министра посол в Варшаве Рамболд осенью 1919 г. предостерегал польское правительство от «ошибки заключения мира с большевиками»⁵⁸. Английские империалисты всячески препятствовали мирным переговорам Советской России с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией. Так, 16 сентября 1919 г. Керзон предписал своим миссиям в Риге и Ревеле довести до сведения соответствующих правительств, что Англия против заключения ими мира с большевиками. Позднее, когда советско-эстонские переговоры начались, английский агент в Ревеле Талентс получил инструкцию использовать все свое влияние для максимального их затягивания⁵⁹. Позицию Керзона в этом вопросе горячо одобрил Черчилль, секретарь которого заверял белого дипломата Саблина: «Здесь пока не существует опасения, что мир будет фактически заключен»⁶⁰. Сходным образом глава Форин оффис относился и к важнейшей проблеме — первым контактам с советскими дипломатами в Копенгагене. Его наказ своим представителям гласил: «Вы должны полностью воздерживаться даже от выслушивания каких-либо мирных предложений»⁶¹.

К концу 1919 г. все трезвомыслящие англичане признали банкротство политики вражды к Советской России. Даже в Форин оффис раздавались голоса, призывающие пересмотреть ее. Но министр оставался глух к ним⁶². Под влиянием побед советского народа над интервентами и белогвардейцами, а также под воздействием движения солидарности трудящихся с Советской Россией, развернувшегося в капиталистических странах, в Париже по инициативе Ллойда Джорджа была принята резолюция о снятии блокады с России. Сам премьер руководил и начавшимися с советскими дипломатами переговорами. Раздосадованный Керзон упрямо продолжал препятствовать смягчению международной напряженности. Хорошо известна его провокационная роль в период третьего похода Антанты⁶³. Выдвинутая в канун лондонских переговоров 1920 г. Керзоном программа⁶⁴ оказала немалое влияние на Ллойда Джорджа. Подобно своему министру премьер долгое время полагал целесообразным шантажировать Л. Б. Красина. Но твердость ленинской дипломатии в принципиальных вопросах и новые решительные победы Красной Армии вынудили Ллойда Джорджа пересмотреть эту тактику.

К началу 1921 г. Советская власть прочно утвердилась в Закавказье и Средней Азии. Это воодушевляло и зарубежные народы Востока на борьбу с империализмом. В феврале Советская Россия заключает договоры с Ираном и Афганистаном, а 16 марта одновременно с подписанием в Москве договора с Турцией Л. Б. Красин поставил

⁵⁶ DBFP, vol. VIII, № 84.

⁵⁷ DBFP, vol. XII, № 653, 657.

⁵⁸ DBFP, vol. III, № 506, 522.

⁵⁹ DBFP, vol. III, № 426, 610.

⁶⁰ «Об участии английских империалистов в организации интервенции против Советской России». — «Исторический архив», 1957, № 2, док. № 20.

⁶¹ DBFP, vol. III, № 566; ср. там же, № 591.

⁶² См., например, меморандум Р. Хора с пометками Керзона. — DBFP, vol. III, № 619.

⁶³ См. Ф. Д. Волков. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства. М., 1954, гл. V; ср. К. Б. Виноградов. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970, стр. 315—335.

⁶⁴ DBFP, vol. XII, № 708, 709.

в Лондоне свою подпись под англо-советским соглашением о торговле. Керзон, по словам Г. Никольсона, «в ярости скрежетал зубами»⁶⁵. Через полгода министр иностранных дел предъявил Советскому правительству клеветническую ноту, обвиняя его в подрывной деятельности в странах Востока. В ответной ноте Советское правительство указало на грязные источники «сведений» Керзона, выявила редкостную нелепость его домыслов⁶⁶. «Вся Европа хохотала до упаду», — писал английский еженедельник⁶⁷. Фиаско Керзона было полным.

Английская пресса, близкая к лейбористам и либералам, еще в 1921 г. указывала на провал всего антисоветского курса Англии, который проводил Керзон. А ведь ему ничем особенным нельзя было похвастать и в других сферах деятельности. Может быть, благородному лорду пора уже удалиться на покой?!

Однако эта мысль не приходила Керзону в голову. Обострившийся кризис империи, трудности в Европе, личные неудачи — все это нередко министр приписывал «козням большевиков». Антисоветизм становится его навязчивой идеей.

Одновременно он исподволь содействовал франко-германским ссорам, пыскивал новые средства отстоять позиции на Ближнем Востоке. Во время встречи с министром кемалистского правительства Юсуфом в марте 1922 г. Керзон поставил вопрос так: улаживанию споров Турции с Англией мешает «тесный союз между Анкарой и Советским правительством». Если вы перестанете принимать помощь от большевиков, Лондон может сменить гнев на милость⁶⁸. Но вбить клин между Анкарой и Москвой не удавалось. Тем временем турецкая армия теснила греков и приближалась к Константинополю. Недавно опубликованные документы не подтверждают мнение Никольсона, согласно которому Керзон противился рискованной антитурецкой политике Ллойд Джорджа. Нет! Порывы воинственности время от времени охватывали и его. Так, министр поддерживал тех, кто предлагал открыть огонь по кемалистам, подходившим к Измирскому полуострову, был автором сумасбродного проекта привлечь Японию, Румынию и Югославию против Турции. Только осенью 1922 г. маркиз заколебался, попробовал откеститься от Ллойд Джорджа, представить себя кротким ягненок. Этот маневр удался — Керзон остался министром и после падения коалиции.

* * *

Правительство Бонар Лоу прозвали «кабинетом умов второго сорта». На фоне вошедших в него безликих политиков правая пресса изображала Керзона звездой первой величины. Вырвавшись из-под опеки Ллойд Джорджа, идол ультраимпериалистов развернул кипучую деятельность. Он едет на Лозаннскую конференцию, где поражает всех ораторской неутомимостью. По возвращении в Англию маркиз продолжает изощряться в красноречии, все чаще касаясь и внутриполитических проблем. С наигранным оптимизмом трактует он перспективы Рурского кризиса и других событий в Европе. «Тучи повсюду рассеиваются», — говорил, например, министр в Алберт-холле 4 мая 1923 г.⁶⁹ Уже в марте многие журналисты, указывая на болезнь премьера, подчеркивали явное намерение Керзона поскорее занять его место.

В Лозанне глава Форин оффис действовал напористо и, используя непоследовательность турецких делегатов, добился известного выигрыша в вопросе о Проливах. В целом же отступление Англии на Ближнем и Среднем Востоке продолжалось. «The Economist» утверждал, что она отброшена к рубежам начала века; Восток, добавлял еженедельник, переживает «революционную трансформацию», свои симпатии он отдал Советской России⁷⁰. Как же приостановить этот процесс, укрепить пошатнувшиеся позиции? Реакционные круги усматривали лучший, если не единственный шанс в организации еще одного нажима на СССР. «Во что бы то ни стало изолировать СССР!» — призывала «The Daily Telegraph»⁷¹. Заставить Советы отступить, отказаться помогать

⁶⁵ H. Nicolson. Op. cit., p. 210.

⁶⁶ Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1960, № 240.

⁶⁷ «The New Leader», 11.V.1923.

⁶⁸ DBFP, vol. XVII, № 555.

⁶⁹ «Le Populaire de Paris», 5.V.1923.

⁷⁰ «The Economist», 26.V.1923, p. 1180—1181.

⁷¹ «The Daily Telegraph», 26.IV.1923.

народам Востока — вот та центральная мысль, которую попытался «реализовать» Керзон. Намеченный им разрыв с Москвой должен был сцементировать все антисоветские элементы и, быть может, стать стимулом новой интервенции. До начала 1923 г. англо-советские отношения развивались удовлетворительно. За 1922 г. объем торговли между двумя странами вырос более чем в два раза. На очередь дня выдвигалось признание СССР де-юре. По мнению депутата Кенворти, за признание выступало большинство лейбористов, значительная часть либералов и многие консерваторы. Но эта тенденция встретила сильное противодействие могущественных группировок — финансистов, колониальной буржуазии и милитаристов ⁷². 1 января 1923 г. «The Times» дала сигнал для новой волны антисоветской истерии, опубликовав подложный «циркуляр» Политбюро РКП(б). С этого момента антисоветская кампания в реакционной прессе нарастала кренделю до лета 1923 г.

После соответствующей обработки общественного мнения Керзон предъявил Советскому правительству ряд требований ⁷³. Вслед за тем почти одновременно прозвучали выстрелы Конради в Лозанне и заявление заместителя Керзона Мак Нейла о посылке военного судна к советским берегам. Мир повис на волоске.

В этот трудный час народы Советского Союза сплотились вокруг партии и правительства. Монолитный фронт трудящихся СССР, их готовность дать должный отпор империалистам, искусство советской дипломатии стали главной причиной провала наскока «вставшего на дыбы» Керзона. Дав достойный отпор провокациям Лондона, Советское правительство подчеркнуло вместе с тем готовность приступить к переговорам по всем спорным вопросам ⁷⁴.

Дело сохранения мира последовательно защищала Коммунистическая партия Великобритании, заметно активизировавшаяся в майские дни. По ее инициативе созывалось много митингов, стали создаваться Советы действия. В своем манифесте КПВ призывала заставить правительство «безоговорочно признать Россию» ⁷⁵.

13 мая Независимая рабочая партия организовала в Лондоне большой митинг солидарности с СССР. Он привлёк тысячи людей и вызвал широкий отклик общественности. 165 местных организаций лейбористской партии направили Макдональду резолюции, призывавшие сделать все, чтобы предотвратить разрыв с СССР. Множество аналогичных резолюций от тред-юнионов и общественных организаций поступало в редакцию «Daily Herald» и канцелярию премьер-министра ⁷⁶. Эти массовые протесты часто сопровождалось требованием убрать министра иностранных дел. «В отставку Керзона!» — вот самый популярный лозунг тех дней. Большая часть торгово-промышленной буржуазии также критиковала курс Керзона ⁷⁷. С нападками на министра выступил в дебатах 15 мая председатель союза предпринимателей машиностроения А. Смит. За поддержку отношений с СССР высказались директор ряда крупнейших фирм, в том числе Ф. Л. Болдуин, родственник министра финансов С. Болдуина ⁷⁸.

Уже 15 мая кабинету министров пришлось заверить палату общин, что он не замышляет войны и не настаивает на указанном им сроке ответа на ноту Керзона. Чтобы предотвратить все еще грозивший разрыв торговых отношений и приблизить дипломатическое признание, советское правительство вскоре согласилось пойти навстречу

⁷² Среди антисоветчиков, помимо Ассоциации британских кредиторов в России, особенно отличались нефтяные магнаты, блокировавшие выход советской нефти на мировые рынки. В начале мая 1923 г. они предприняли ряд демонстраций, в том числе серию запросов в парламенте, с целью ухудшения отношений с Россией. Создавалось впечатление, что именно нефтяные тресты стоят за спиной Керзона. — «Накануне», 27.V.1923.

⁷³ См. «Документы внешней политики СССР», т. VI. М., 1962, стр. 297—302.

⁷⁴ «Документы внешней политики СССР», т. VI, № 172.

⁷⁵ «Daily Herald», 11.V.1923; «Workers Weekly», 12.V.1923.

⁷⁶ «Daily Herald», 23.V.1923.

⁷⁷ Опасения этих кругов выражали либеральные и некоторые консервативные газеты. Вот как писала одна из них: «Исходя из интересов самой Англии, было бы безрассудным сознательно способствовать переходу нынешней и будущей ее доли в русской торговле к Германии. Между тем это может стать очевидным следствием ноты Керзона». — «The Daily News», 14.V.1923.

⁷⁸ См. В. А. Ш и ш к и н. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л., 1969, стр. 352.

некоторым пожеланиям английской стороны ⁷⁹. Это окончательно расстроило замыслы империалистов. Английский министр явно просчитался.

В правящей группировке усугубились раздоры, особенно после того, как в разгар кризиса Бонар Лоу подал в отставку. Опасным соперником Керзона в борьбе за власть оказался Болдуин. 17 мая именно он после истерического заявления Мак Нейла произнес примирительные слова о том, что Англия не будет настаивать на буквальном выполнении всех требований Керзона и не добивается разрыва. Не исключено, что этот маневр Болдуина склонил на его сторону чашу весов при избрании нового премьера.

20-21 мая большинство газет, гадая о наследнике Бонар Лоу, отдавало некоторое предпочтение маркизу. Но оперировавшие за сценой силы и лица, среди которых важную роль сыграл привлеченный «для консультации» Бальфур, решительно высказались против него ⁸⁰.

Когда Бальфур после аудиенции у короля вернулся домой, его атаковала одна из гостивших у него дам.

Лэди: Станет ли дорогой Джордж премьером?

Бальфур: Нет, дорогой Джордж не станет им.

Лэди: Ах, мне так жаль. Он будет страшно разочарован.

Бульфур: Не знаю. В конце концов, даже лишившись надежды на славу, он все еще обладает средствами Грэйс ⁸¹.

В этот момент сам Керзон, пребывавший на загородной вилле, еще был полон надежд. Вечером 21 мая он получил телеграмму от личного секретаря короля с просьбой вернуться в Лондон. В течение нескольких часов Керзон чувствовал себя первым министром. Исполнилась заветная мечта! По пути в столицу он обсуждал с женой немаловажный вопрос: где они будут принимать гостей — в своем особняке или на Даунинг-стрит, 10 (резиденция премьера)? Тем сильнее подействовал обрушившийся на него удар — в королевский дворец вызван его соперник! В полушоковом состоянии, со слезами на глазах маркиз начал перечислять посланцу короля свои заслуги. Неужели ему предпочли столь незначительную личность?

До конца 1923 г. Керзон оставался министром иностранных дел в новом кабинете, но выполнял свои обязанности без прежнего воодушевления. В 1924 г. он поднимал свой голос против признания Советского Союза и «общего» договора с СССР, на которые пошло правительство Макдональда. Вернувшийся к власти Болдуин предложил Керзону лишь синектуру — пост лорда-президента Совета.

В начале 1925 г. состояние здоровья маркиза резко ухудшилось. 20 марта он скончался. «Врачи, — писал д'Абернон — объясняли смерть внутренним кровоизлиянием, но более глубокой причиной ее являлись перенесенные разочарования и обида» ⁸².

* * *

Политическая карьера Керзона оборвалась полвека назад. «Утро было золотым, полдень — бронзовым, а вечер — свинцовым», — писал о нем Черчилль. Современники и историки по-разному оценивали и оценивают эту фигуру. Едва ли правы были памфлетисты, изображавшие Керзона сатрапом, фанфароном-фельдфебелем или же чопорным, никчемным вельможей ⁸³. Некоторые сочувствовавшие маркизу авторы тоже представляли его чуть ли не ходячим анахронизмом. «Он родился и умер типичным английским аристократом XVIII в.», — утверждал д'Абернон ⁸⁴. Получалось так,

⁷⁹ «Документы внешней политики СССР», т. VI, № 188.

⁸⁰ T. J o n e s. Op. cit., vol. I, p. 235—237; R. R h o d e s J a m e s. Memoirs of a Conservative. London, 1969, p. 149—165. Курс Керзона был настолько непопулярным, что почти все местные организации и значительное большинство депутатов тори поддержали кандидатуру Болдуина. — K. M i d d l e m a s, J. B a r n e s. Baldwin. London, 1969, p. 167.

⁸¹ R. B l a k e. The Conservative Party from Peel to Churchill. London, 1970, p. 213. По-английски Grace может означать и изящество, грация. Каламбур Бальфура можно было понять и так: «Не знаю. В конце концов, даже лишившись надежды прославиться, он сохранил всю свою грацию».

⁸² Д'А б е р н о н. Посол мира, т. 1. М., 1931, стр. 50.

⁸³ См., например, памфлет «Мандаринный лорд» в сб.: А. М е н ь ш о й. Англо-американские портреты. Л., 1925.

⁸⁴ Д'А б е р н о н. Указ. соч., стр. 49.

будто Керзон лишь нелепая тень прошлого, некое инородное тело среди английских буржуазных лидеров.

С нашей точки зрения лорда Керзона нельзя сводить к величине однозначной. Этот человек воплощал в себе многие черты, присущие представителям правящих кругов Англии. Из поколения в поколение английская титулованная знать передавала опыт управления заморскими колониями. На откуп аристократии было отдано и руководство внешней политикой и дипломатией. Но знать керзоновских времен уже мало чем отличалась от наживал — капиталистов, а сам Керзон немало потрудился, приспособляя давнюю формулу «корабли, колонии, коммерция» к новой империалистической эпохе.

В выдвижении лорда Керзона можно заметить определенную закономерность. Он как бы олицетворяет «британскую алчность», писал П. Камбон⁸⁵. Внесем поправку — алчность британского империализма! И быть может, последовательнее своих коллег Керзон пробовал удовлетворить непомерные аппетиты империалистов. Он яростно выступал против Советской России, освободительного движения народов Востока, французских и американских конкурентов, против всех, кто, по его мнению, подрывал английский империализм.

Жестокие провалы преследовали Керзона. Слабость характера, преувеличенное внимание к деталям, наличие множества врагов и завистников, несчастливое стечение обстоятельств — что только не перечисляют мемуаристы и сочинители жизнеописаний, объясняя его поражения⁸⁶. Однако главная их причина, очевидно, определялась исторической обреченностью английского империализма, несоответствием его притязаний новому соотношению сил, сложившемуся на мировой арене в XX в.

Немало охотников пробовало подражать Керзону. С теми же или еще более плачевными результатами! Для примера можно напомнить о провокациях консервативного кабинета в 1927 г., завершившихся разрывом отношений с СССР. Тори тщетно стремились тогда организовать нечто вроде «крестового похода» против Советского Союза. Это отрицательно сказалось для них на выборах 1929 г., после которых новому английскому правительству пришлось пойти на восстановление отношений с Советской страной.

Под стать реакционным политикам времен лорда Керзона действуют и некоторые английские реакционеры, пытающиеся с помощью антисоветских выпадов помешать ликвидации международной напряженности в Европе (например, нелепая шумиха, поднятая ими в 1971 г. о «красном» шпионаже в Англии). Тем, кто уподобляется лорду Керзону, не мешает помнить о его бесславном политическом падении.

⁸⁵ P. C a m b o n. Correspondence, t. III, p. 377.

⁸⁶ См., например: L. M o s l e y. Curzon. The End of an Epoch. London, 1960.